

Н.Н. Страхов о русском национальном характере в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»

В последнее время исследователи все чаще обращаются к трудам Н.Н. Страхова – известного философа искусства и литературного критика. Его имя не было внесено в списки запрещенных имен, но в то же время оно долго замалчивалось, а его наследие было слабо востребованным и интерпретировалось, как правило, с негативным оттенком, поскольку по своим ключевым положениям теория Н.Н. Страхова противоречила господствующей в те годы марксистско-ленинской эстетике.

Сегодня, когда исчезает некоторая зашоренность точек зрения, а окружающий мир в ритме все усиливающихся интерпретаций меняется не по дням, а по часам, идеи Страхова, особенно по отношению к искусству и его роли в жизни общества, звучат снова остро и актуально, в том числе и по заявленной нами проблеме.

Страхов до глубины души был русским человеком, проникнутым духом истинного патриотизма. Он писал: «С детства я был воспитан в чувствах безграничного патриотизма. Я рос вдаль от столиц, и Россия всегда являлась мне страной, исполненною великих сил, окруженною несравненною славой; первую страну в мире, так что я в точном смысле слова благодарил бога за то, что родился русским. Поэтому я долго потом не мог даже вполне понимать явлений и мыслей, противоречащих этим чувствам; когда же я, наконец, стал убеждаться в презрении к нам Европы, в том, что она видит в нас народ полуварварский и что нам не только трудно, а просто невозможно заставить их думать иначе, то это открытие было мне невыразимо больно, и боль эта отзывается до сегодня. Но я никогда и не думал отказываться от своего патриотизма и предпочесть родной земле и ее духу – дух какой бы то ни было страны» (1, 248).

Это высказанное Страховым жизненное кредо наложило печать на оценку многих явлений жизни и искусства. Он не был националистом-руссофобом, он прекрасно знал достоинства и недостатки русской действительности и русского национального характера, которые считал уникальными, своеобразными. По этому поводу в одной из статей он писал: «Немецкие физиологи действительно ошиблись в своих характеристиках; есть человеческий тип, который не подходит под то, что до сих пор называлось человеком. Он явился недавно, явился на нашей земле, и, может быть, немцам и французам никогда не видать у себя таких людей, хотя эти люди и воспитываются на немецких и французских книжках. Дело не в книжках, в крови. Разве не слышна в этом типе частица русской силы?» (2, 340).

Чтобы глубже понять позицию Страхова в отношении главного героя романа Ф.М. Достоевского, вспомним: Достоевский считал Россию особым, отдельным культурно-историческим типом, самобытным явлением с особой духовной жизнью, типом, которому чужды западные об-

разцы жизнеустройства и путей развития. Особенно опасным он считал не соответствующий русскому духу западнический нигилизм, приносящий несчастье тем, кто пытается ему следовать. В этом отношении взгляды критика и взгляды писателя совпадали. Сам Достоевский в письме к Толстому писал о Страхове: «Он был мой усерднейший читатель, очень тонко все понимал» (3, 273)

Статья Страхова о романе Достоевского «Преступление и наказание» ярко отражает философско-эстетические взгляды критика и положение его «органической критики» (4). Страхов в ней отметил умение Достоевского симпатизировать жизни в очень низменных ее проявлениях, способность открывать истинно человеческие движения в душах искаженных и подавленных (5, 551). По признанию критиков, это одна из самых интересных статей о романе. Статья была своего рода откликом на полемику вокруг романа. Г.З. Елисеев (сотрудник «Современника») в статье «Еще несколько слов о новом романе Ф. Достоевского» утверждал, что в романе дано мотивированное преступление, обоснованное «научными убеждениями», чувствуется желание автора распространить их на студенчество. Роман, по его мнению, не имеет эстетической целостности и весьма реакционен, так как в нем дан «процесс чистого, голого убийства с грабежом» (Современник, 1866, № 3. – С. 39). А.С. Суворин, напечатавшийся под псевдонимом А. И-н в газете «Русский инвалид», писал, что Раскольников вовсе не тип, а причины, по которым он действовал, не идеи. Раскольников – это болезненное явление, которое подлежит скорее психиатрии, чем литературной критике (Русский инвалид, 1967. – С. 3 – 63). Были и другие взгляды.

Все оценки Страхова по поводу Раскольникова берут начало от главной мысли самого Достоевского, который писал: «Найти в человеке человека. Это русская черта по преимуществу...» (1, 373). Критик опровергает все обвинения в адрес Достоевского, убедительно доказывая, что они «все вздор, не стоящий внимания» (6, 97). «каких только гадостей, каких безобразий не было приписываемо нигилистам!» – пишет он. Раскольников, по мысли Страхова, «хотя страдает юношеским малодушием и эгоизмом, но представляет нам человека с задатками твердого ума и теплого сердца. Это не фразер без крови и нервов, это настоящий человек!» (6, 100). Критик утверждает, что теория, чуждая русскому юноше, ломает его жизнь, так как глубоко и окончательно противоречит самой жизни. В этом – трагедия жизни, которая должна быть подвержена анализу, глубоким выводам, а не осмеянию или негодованию. Поступки Раскольникова – это уклонения от жизни, последствия которой приносят страдания герою. Роман Достоевского, по Страхову, «это – плач над ним». (6, 101). «С невыразимым мучением он чувствует, что насилие, совершенное им над своею нравственною природою, составляет больший грех, чем самый акт убийства. Он-то и есть настоящее преступление» (Там же). Заслуга Достоевского в том, – утверждает критик, – что он первый в русской литературе изобразил нигилиста несчастного, глубоко по-человечески страдающего, а нигилизм,

изображенный писателем, дан «не как жалкое и дикое явление, а в трагическом виде, как искажение души». (6, 102).

Страхов утверждает, что Достоевский в романе изобразил широкую русскую натуру, которая во всем идет до конца. Взяв на вооружение чуждую, не соответствующую русской душе идею, он ее испытывает до конца, «когда идти уже некуда». Это, по мысли Страхова, убедительно отражено в романе. В качестве доказательства он обращает внимание на отношения окружающих к Раскольникову после убийства. («Я вас, во всяком случае, за человека наиблагороднейшего почитаю-с и даже с зачатками великодушия-с...») (Порфирий); «русские люди вообще широкие люди, ... широкие, как их земля, и чрезвычайно склонны к фантастическому, к беспорядочному; но беда быть широким без особенной гениальности» (Свидригайлов) (6, 105-106).

Достоевский, – пишет Страхов, – изобразил широкую русскую натуру, «мало склонную идти по пробитым торным колеям жизни», способную жить и чувствовать на разные лады: жажда жизни свойственна русской душе: как можно быстрее, сейчас, до конца и «даже до полной гибели» (Там же).

Анализируя детально, по пунктам, теорию Раскольникова, Страхов постоянно говорит о ее гибельности. У Раскольникова она возникла под влиянием egoизма молодости, отсюда и суть преступления как убийства принципа.

Главная сила автора, – пишет критик, – в том, что он глубоко схватил отдельные положения и потрясения русской человеческой души, в которой еще есть бог, а поиск дороги к нему – естественное ее состояние. Теории, связанные с насилием, противоестественны русской душе, но, обратившись к ним, даже не понимая толком их сути, русский человек идет до конца. В этом его трагедия и обреченность. Страхов пишет: «Итак, Раскольников до конца не мог понять и осмыслить движений, подымавшихся в его душе и составлявших для него такую муку. Он не мог понять и осмыслить и того наслаждения и счастья, которые почувствовал, когда вздумал последовать совету Сони» (6, 121).

Достоевский – поистине великий провидец многих тенденций жизни, до которых он сам не дожил. Роман «Преступление и наказание» – один из самых глубоких в этом смысле, пророческих. И это понял Страхов. В заключение мы позволим использовать большую, но поучительную для нашего времени мысль критика, в которой заключен и итог его наблюдений над романом, и совет нам.

“Раскольников, – пишет Страхов, – есть истинно русский человек именно в том, что дошел до конца, до края той дороги, на которую его завел заблудший ум. Эта черта русских людей, черта чрезвычайной серьезности, как бы религиозности, с которой они предаются своим идеям, есть причина многих наших бед.

Мы любим отдаваться цели, без уступок, без остановок на полдороге; мы не хитрим и не лукавим сами с собою, а потому и не терпим мировых сделок между своею мыслью и действительностью. Можно

надеяться, что это драгоценное, великое свойство русской души когда-нибудь проявляется в истинно прекрасных делах и характерах. Теперь же, при нравственной смуте, господствующей в одних частях нашего общества, при пустоте, господствующей в других, наше свойство доходить во всем до краю – так или иначе – портит жизнь и даже губит людей” (6. 122). Не о нас ли печалились Страхов и Достоевский? Своим романом Достоевский (это понял и «обнародовал» Страхов) поведал нам поучительную для своих современников и потомков историю гибели русского человека. прошедшего этот путь до конца.

Примечания

1. Биография, письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского. Спб., 1883. с. 248.
2. Страхов Н. Из истории литературного нигилизма: 1861-1865. Пб. 1890, с. 340. Цитата – из статьи «Счастливые люди», напечатанной в 1865 году в «Библиотеке для чтения», посвященной роману «Что делать?» Н.Г. Чернышевского.
3. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. СПб. 1914 – С. 273
4. Статья Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание». Была впервые опубликована в «Отечественных записках», 1867, № 3,4. До этого им была дана общая характеристика творчества писателя и его романа «Преступление и наказание» в № 2 этого же журнала. В 1867 году Страхов редактировал этот журнал.
5. Отечественные записки, 1867, № 12 – С. 551.
6. Страхов Н.Н. Литературная критика. – М., 1984.

Л.Д. Евдокимова

Текст в системе способов изучения омонимичных слов иностранными студентами

Текст как лингвометодическое и дидактическое понятие давно вошел в круг методических средств обучения и широко используется в учебном процессе в качестве письменного речевого произведения, обладающего тематической цельностью, отражающего правила современного литературного языка и выполняющего определенные дидактические задачи. Овладевая структурой текста, логикой его построения, студенты овладевают закономерностями построения речевых высказываний (текст выступает как образец).

Форма выражения мыслей усваивается студентами в процессе обильного (в идеале) чтения и обсуждения текстов, что обеспечивает повторяемость языковых форм и произвольное их усвоение студентами. Основной этап обучения русскому языку иностранных студентов-филологов весьма благоприятен для работы над данным аспектом речи.

Работа над текстом, содержащим среди всего прочего и омонимичные слова, позволяет, как мы установили, более целенаправленно